

ЮРИЙ ПИОНЕРОВ

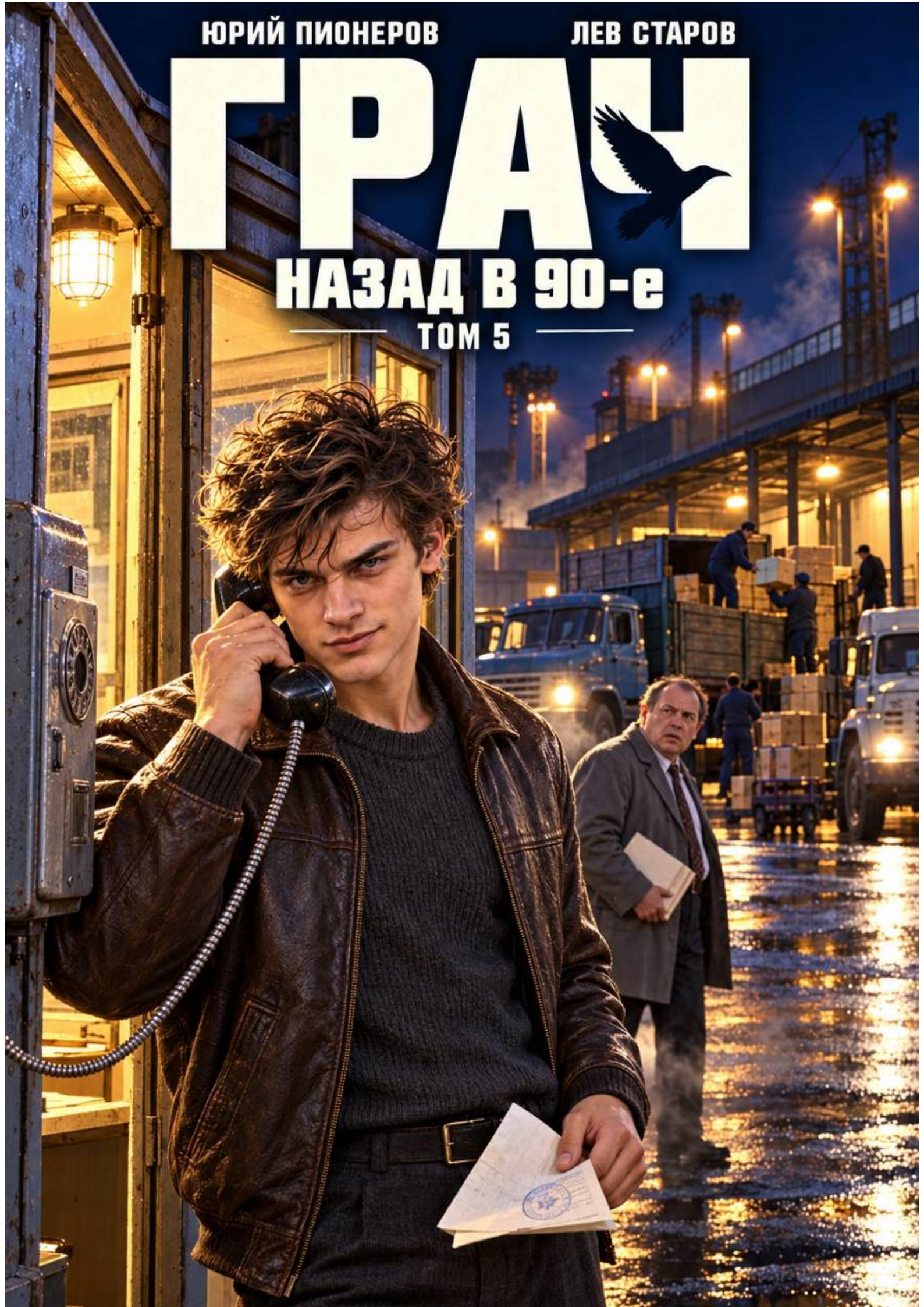
ЛЕВ СТАРОВ

ГРАЧ

НАЗАД В 90-е

ТОМ 5

Юрий Пионеров
Грач. Назад в 90е Том 5

«Автор»

«Автор»

2026

Пионеров Ю.

Грач. Назад в 90е Том 5 / Ю. Пионеров — «Автор», «Автор»,
2026

В день своего пятидесятилетия Данила Грачёв отдал за кекс последнюю мелочь: его торговую империю забрали люди, которым он доверял. А утром он проснулся двадцатилетним. На кухне мать печёт пирожки, отец бережёт девять тысяч на «Жигули», за окном — ноябрь 1991-го. Через пятьдесят два дня эти деньги почти ничего не будут стоить. Данила знает, что случится с ценами. Но знание не купишь в магазине и не предъявишь вместо денег. Есть дембельские триста рублей, голодный друг Бугай с плечами грузчика и сестрёнка, которая требует расписку даже за четырнадцать рублей. Есть ещё отец: он лучше доверит сыну сварочный аппарат, чем семейные сбережения. За несколько недель Даниле нужно превратить эту горсть рублей в дело, которому поверит отец. И сделать это на рынке, где каждый удачный товар замечают быстрее, чем успеваешь пересчитать выручку. Успеет ли Грач занять своё место — прежде чем его займут другие?

© Пионеров Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Грач. Назад в 90е Том 5

Глава 1

— Почему? — я придвинул стул ближе и развернул к себе баланс.

— Вы пытаетесь обмануть систему, играя по её правилам. Вы спрятали активы, но забыли про пассивы. Если придёт проверка, они не будут смотреть на ваши статьи расходов. Они посмотрят на движение наличности. А тут наличность расходится на всю страницу. — Она обвела итог и положила карандаш поперёк строки.

В придвинутом ко мне листе ловушку с активами она нашла, а заодно вытащила наружу мою собственную ошибку: наличность в учебной задаче действительно расходилась. Вот тебе и экзаменатор, Даня. Сам провалился на своей контрольной.

— Что делать? — я вынул чистый лист и положил рядом с провальным балансом.

Зоя встала, достала из шкафа линейку и ручку, затем придвинулась к моему листу.

— Переписать, — Зоя развернула лист поперёк стола и провела на нём первые графы. — И не просто переписать. Создать структуру, которая будет работать как часы. Где каждый рубль виден, но объяснён легальной причиной. Вы хотите расширить кооператив? Мы оформим все новые точки. У каждой будет ответственный, накладная и место в учёте. Проверяющий спросит — вы откроете нужную страницу.

Она заполняла графы, время от времени сверяясь с моим уставом. Я подавал ей нужные листы и записывал, какие подписи собрать. Через час перед нами лежал документ, с которым можно было идти к клерку.

— Вот ваш устав, — сказала она, протягивая мне исписанные листы. — И вот исправленные учебные балансы, их оставьте себе. В регистрационный отдел несите устав с заявлением и протоколом собрания. Там теперь каждый вид торговли прописан.

Учебные балансы я убрал подальше, в отдельную папку. Перед Зоей оставил устав, заявление и протокол, который уже таскал в регистрационный отдел; она сверила формулировки и ткнула ручкой в места, где новая редакция расходилась с прежним решением. Пришлось вернуться к людям, чьи подписи стояли внизу. За столом я разложил оба текста рядом, вслух прочитал изменённые пункты и дождался согласия по каждому, прежде чем мы подписали новый протокол.

К утру в папке лежали чистые экземпляры с нужными подписями. Зоя ещё раз пересчитала листы, убрала из них случайно попавший учебный расчёт и вернула папку мне. Я взялся за тесёмки обеими руками, затянул узел и поехал в администрацию. Теперь-то хоть подавал то, что собирался, а не ворох ночных исправлений.

В регистратуре всё прошло так гладко, что я не сразу поверил. Клерк, тот самый прыщавый парень, даже не поднял глаз. Он сверил новую редакцию с заявлением, поставил штамп и вернул мне зарегистрированный устав. Старое свидетельство осталось в папке; на этот раз даже «придите через неделю» не прозвучало. Зоя Ермолаевна была права: система не любит сопротивление, но любит точность. Когда всё правильно оформлено, ей становится лень копаться.

Вечером я сидел в офисе при площади. За столом напротив меня теперь сидела Зоя. Она раскладывала перед собой тетрадки Машки, те самые, где девочка вела учёт продаж жвачки и кульков. Зоя разгладила страницы ладонью.

— Детское предприятие, — говорила Зоя, листая страницы. — Цифры правильные. Маржа соблюдена. Но нет шапки. Нет договора аренды места. Нет чеков из кассы. Это всё можно оформить как филиал кооператива. Но нужно время.

— У нас мало времени, — сказал я, глядя в окно. Там уже темнело. Фонари на площади включались с характерным щелчком.

— Поэтому я начинаю сегодня, — Зоя подложила под тетрадь накладную и выписала номер поставки. — Принесите мне ВСЕ бумаги: от Машки, от Гирия, все накладные от Риммы. Я должна видеть всю картину целиком.

Я кивнул. Телефон на столе зазвонил резко и коротко. Я потянулся к трубке, пока звонок не оборвался.

— Даня? — позвала тётя Дуся и всхлипнула в трубку.

— Да, — ответил я, сжимая трубку так, что пластик скрипнул.

— Они пришли. К тебе домой. Не милиция. Мужики. Серые костюмы. Сказали, что от Вадика. Ищали твои документы. Мама говорит, они забрали папку с контрактами на ларьки. Те, старые. Советские. — Тётя Дуся всхлипнула в трубку, на заднем плане хлопнула дверь. Я прижал трубку крепче и пододвинул блокнот.

В груди похолодало. Старые контракты. Для бизнеса они лежали мёртвым грузом, но для налоговой становились уликой. Нарушение правил приватизации, использование государственного имущества без разрешения. Если они передадут эти бумаги куда надо...

— Сколько их было? — спросил я, стараясь говорить ровно. Я отвернулся к окну, чтобы Зоя не видела лица.

— Трое. Один высокий, в шляпе. Сказали, что ты должен ответить за беспорядок. Что у тебя нет права распоряжаться землёй. — Я записал примету и обвёл адрес; тётя Дуся перевела дыхание в трубке.

Я слушал гудки и понимал: кулаки остались в стороне. Началась системная война. Они использовали старую бумагу против нового закона. Им нужно было создать прецедент, чтобы потом предъявить претензии ко всему, что я построил.

Я положил трубку. Посмотрел на Зою. Она уже поняла. По моему лицу. Она закрыла тетрадь и прижала её ладонью.

— Вадик вернулся? — Зоя отодвинула тетрадь и подняла на меня глаза.

— Пока нет, — я прижал трубку к рычагу и записал Вадикову фамилию. — Он прислал своих собак. Собак на поводке закона.

Зоя подвинула закрытую тетрадь к семейным договорам.

— Тогда у нас две задачи, — Зоя подтянула к себе лист и отвинтила колпачок ручки. — Первая: оформить всё юридически так, чтобы ни одна собака не смогла грызть наши кости. Вторая: найти тех, кто держит поводок.

— Ты можешь помочь с первым? — я оперся ладонями о стол и подвинул к ней список унесённых бумаг.

— Я могу помочь с обоими, — сказала Зоя, и в её глазах мелькнул опасный блеск. Она постучала пальцем по тетради. — Но для второго мне нужны имена. Все до одного. Кто входил в ту квартиру. Кто забрал папку.

— Я узнаю, — пообещал я, доставая из кармана ключи от машины.

Мы оба понимали: ночь будет долгой. Молчание Вадика кончилось; дальше пойдёт удар по бумагам, холодный и точный. Я встал, накиннул куртку.

— Зоя, оставайтесь здесь. Снимите копии семейных договоров и уберите оригиналы под замок. Я проверю адрес, откуда забрали папку. — Я придвинул ей связку ключей от сейфа и открыл нижний ящик с договорами.

— Куда? — она отложила ручку и отвела от папки чашку.

— К тёте Дусе. Нужно выяснить, какие именно договоры унесли и кто видел этих троих, — я застегнул молнию и подхватил ключи.

Я вышел в ночь. Площадь гудела, люди спешили домой, ларьки закрывались. Но вдалеке, у вокзала, я увидел силуэт знакомой машины. Чёрной «волги». Той самой, на которой приезжал Сеня Прибор. Водитель прятался в тени. Только опущенное стекло и сигаретный дым, поднимающийся вверх тонкой струйкой. Я запомнил номер и свернул к тёте Дусе. К полуночи

у меня были имена двух свидетелей и список унесённых бумаг; семейные договоры Зоя восстановила с оставшихся у нас экземпляров. Утром отдадим копии Костину. Пусть у чужого визита появится официальный след.

Следующий понедельник пах краской и нафталином, а не обычной пылью. В офисе при площади стояла тишина, какая бывает только после шторма, когда обломки уже убрали, но ветер ещё гуляет в щелях ларьков. Я сидел за столом, перебирая бумаги кооператива «ГРАЧ», и чувствовал, как шуршат под пальцами листы с новыми оттисками нашей печати. Коснулся синего края и отдернул руку: чернила ещё мазались. Рядом сохли восстановленные семейные договоры, сверху лежало заявление о ночном вторжении с отметкой о приёме.

Машка стояла посреди комнаты, как статуя в витрине гастронома, и смотрела на меня снизу вверх. Ей было двенадцать лет, она знала маржу жвачки лучше, чем я свою будущую пенсию, но сейчас её глаза были полны той особенной детской ярости, которую взрослые принимают за капризы.

— Дань, мне нужен костюм, — сказала она ровно и выпрямилась, опустив руки по швам, будто уже стояла перед инспектором.

Я поднял голову от накладных и потёр переносицу.

— Зачем тебе костюм, Марья? У тебя есть палантины, есть юбки. Мы торгуем из ларька, а не выходим на ковровую дорожку к Брежневу. — Я отвёл от её рукава чашку и отложил накладную.

— Инспектор Пименов вызвал. С родителем. Говорит, у вас незаконное предпринимательство несовершеннолетних. И вообще, он сказал: «Пусть девочка оденется по-человечески, а то стыдно смотреть». Он имеет в виду мою сетку. Моё «вдесятеро», — выпалила Машка и дернула плечом, словно сбрасывала невидимую руку.

Я помнил этого Пименова. Усталый циник с лицом, как мятая простыня. Правда его не интересовала; он искал повод. Повод закрыть, повод оштрафовать, повод получить конверт. Если Машка придёт к нему в школьном фартуке или в старом свитере, он сотрёт её в порошок одним взглядом. Девочка без статуса для него — мусор. Девочка со статусом — противник. А противников он уважает, потому что боится связываться с теми, кто может ответить.

— Люська, — крикнул я в коридор, повернувшись к двери.

Люська появилась мгновенно. Бугай где-то чинил колесо у депо, и Люська пришла одна; от её рук пахло мылом и тканью.

— Что случилось? — спросила она, глядя на напряжённую спину Машки.

— Костюм. Срочно. Чтобы сидел как влитой, — я щёлкнул пальцами по столу и отодвинул папки, освобождая место для ткани.

Люська хмыкнула, бросив взгляд на моё лицо, потом на Машку. Она потёрла подбородок, перебирая в памяти запасы.

— У меня есть синее, от прошлого сезона. Твоё, Машка, оно маловато в плечах, да и цвет выцвел до грязного серого. Синее от Светланы Фомичны. Она отдала мне его перешить, но так и не забрала. Слишком строгое для неё, говорит, «для допросов». — Люська развела ладони, прикидывая ширину, и повернула Машку к свету.

Машка оглядела ткань.

— Мне подходит. — Машка подняла подбородок и расправила плечи под Люськиными руками.

— Не подходит, — я отвёл Машку к зеркалу и показал на её плечи. — Там плечи широкие. Ты будешь выглядеть как взрослая женщина, натянутая на ребёнка. Это вызовет подозрение. Нужно, чтобы ты выглядела как профессиональный ребёнок. А это разные вещи.

Люська пожала плечами и скрылась в кладовой. Вернулась через минуту, держа в руках сложенную стопку ткани. Синий габардин, плотный, тяжёлый. К октябрьской сырости подхо-

дил отлично. Но Машка, примерив пиджак, действительно выглядела нелепо: рукава болтались, воротник душил шею, а талия была где-то в районе колен.

— Переделай, — приказал я. — Живая нитка. Быстро. Нам нужно быть там к двум часам, — я посмотрел на часы и постучал по циферблату.

Люська достала иголки и нитки цвета индиго. Она работала быстро, ловко, как хирург. Машка стояла неподвижно, позволяя себе колоть булавками. Я наблюдал за ними и думал о том, как легко сломать человека бумагой. Одна справка из школы, одно слово инспектора — и вся сеть Машки, её тетрадки, её деньги, её амбиции могут превратиться в пыль. Или наоборот.

Зоя Ермолаевна вошла в офис, придержав дверь локтем. Она уже разобрала тетради Машки, которые я принёс вчера вечером. Сейчас она держала в руках новую папку, перевязанную бечёвкой.

— Филиал оформлен, — сказала она сухим голосом бухгалтера, который привык сообщать плохие новости. Она положила папку на стол и прижала её ладонью. — Шапка «Кооператив “ГРАЧ”, отдел реализации школьных товаров, филиал №1». Машкины тетрадки остаются её домашними записями. В штат её не оформляем: двенадцать лет. За прилавок и кассу отвечают взрослые, вот их фамилии и подписи.

Машка повернула голову, игла всё ещё торчала в плече пиджака.

— Значит, тетрадки остаются мои? — Машка придержала незаколотый лацкан и потянулась к папке.

— Помогать с тетрадками дома можете, а продавать и подписывать кассовые бумаги будут взрослые. Название «стажёр» вашего возраста не отменяет. Пименову покажем, кто принимает товар, кто стоит за прилавком и кто отвечает за деньги, — Зоя Ермолаевна поправила бечёвку и закрыла папку.

— Покажем, — сказал я, застёгивая куртку до горла.

К двум часам костюм был готов. Пиджак сидел идеально, подчёркивая хрупкость плеч, но не делая их слишком широкими. Брюки со складками доходили до середины туфель. На груди — карман, куда можно было сунуть блокнот. Выглядела она как маленький чиновник. Серьёзный, сосредоточенный, опасный.

Мы ехали на такси. Я сел спереди, Машка с Зоей Ермолаевной сзади. Мать ждала нас у инспекции: её вызвали как родителя, и заменять её старшим братом я не собирался. Таксист косился на нас в зеркало заднего вида, видимо, решая, семейная ли это идилия или рейдерская атака. Машка молча сверлила взглядом свои туфли, проверяя, нет ли на них пыли. Зоя Ермолаевна перекладывала бумаги в сумке, прижимая их к бедру.

Инспекция налоговой находилась в здании бывшей партшколы. Потолки высокие, стены облупленные, запах старой краски и мокрого асфальта. Кабинет Пименова был на втором этаже, дверь приоткрыта.

Пименов сидел за столом, заваленным папками. Он курил, выпуская дым в окно, которое было распахнуто, хотя на улице шёл дождь. Лицо у него было землистым, глаза покрасневшими от недосыпа. Он даже не поднял головы, когда мы вошли.

— Садитесь, — буркнул он, стряхивая пепел в банку из-под кофе.

Я сел напротив. Машка осталась стоять. Зоя Ермолаевна заняла место сбоку, положив сумку на колени. Мать подвинула второй стул к Машке и выложила паспорт на стол инспектора.

— Грачёв, — Пименов наконец посмотрел на меня. В его взгляде читалось презрение хозяина положения. Он поворошил папки и вытащил одну, с загнутым углом. — Вы тут зачем? Ребёнка привели. Школа уже началась, а вы её по кабинетам таскаете? А торговля идёт круглый год. Неправильно это. Детский труд запрещён. Кодекс законов о труде РСФСР. Статья... не помню какая, но запрещён.

— Мне двенадцать, — Машка положила руку на спинку стула и выпрямилась. Голос дрогнул, а подбородок удержала. — Я в школу хожу. И за прилавком стоит мама, спросите у неё. А тетрадки мои. Я люблю считать, это тоже запрещено?

Пименов замер с сигаретой в руке. Он моргнул. Потом перевёл взгляд на Зою Ермолаевну.

— Кто эта девочка? — Пименов отложил сигарету и перевернул материн паспорт фотографией вверх.

— Мария Грачёва, дочь вот этой женщины, — Зоя Ермолаевна подвинула к нему паспорт матери и раскрыла папку. — Вот устав с зарегистрированными изменениями. Вот договор со взрослым продавцом и книга учёта кооператива. Тетрадь девочки мы сверили с накладными; кассовые документы веду я. Работником ребёнок у нас не числится.

Пименов взял бумагу. Пробежал глазами. Положил обратно. Его лицо исказилось раздражением. Он ждал плачущую мать, конверт, слабую просьбу. Получил юридический щит с подписями взрослых.

— Учёт, значит? — прошипел он. Он бросил бумагу на стол и придавил её пепельницей. — А деньги куда идут? В карман родителям? Это сокрытие доходов. Налог с оборота вы платите? По какой ставке?

— По ставке розничной торговли, — сказал я, положив на край стола папку с накладными. — Все накладные предоставлены. Товар закуплен легально у базы Риммы Згурской. Есть сертификаты качества. Есть акты списания брака. Всё чисто, Геннадий Аркадьевич. Чистее, чем в вашем кабинете.

Пименов побледнел. Он ударил кулаком по столу. Папки зашуршали.

— Не смейте мне угрожать! Я могу проверить вашу деятельность! Внеплановая ревизия! Три месяца! Вы загнёте весь свой бизнес! — Пименов отодвинул стул и прижал кулак к папке.

После его крика в кабинете стало тихо, только дождь стучал в раму. Машка шагнула вперёд. Она едва доставала ему до плеча, а глаз всё равно не отвела.

— Проверяйте, — Машка положила тетрадь на свободный край стола и раскрыла нужную страницу. — Но тогда объясните, почему в актах за прошлый месяц фигурируют цифры, которые не сходятся с вашими отчётами в горфинотделе. Я видела ваши черновики. Они лежали на столе у секретарши, когда я приходила за справкой. Там ошибка в графе «прочие поступления». Если ревизия начнётся, эти черновики попадут в дело. И тогда вопросы будут не к нам. А к вам. Почему вы занижаете план? Или завышаете?

Пименов открыл рот, чтобы сказать что-то резкое, но захлебнулся. Он схватил стакан воды и выпил его залпом. Руки у него дрожали. Он понимал: перед ним сидели не школьники, а волки в костюмах от Люськи.

— Вы... вы знаете, где лежат мои черновики? — прошептал он и потянул к себе наш лист с выписками.

— Черновики сверили с вашей копией отчёта, — Зоя достала из папки выписанные суммы и развернула к нему. — Вот расхождение, вот месяц. Мы люди системные. А вы человек случайный. Давайте не будем друг друга мучить.

Пименов откинулся на спинку стула. Сигарета догорала в пепельнице, оставляя длинный столбик пепла. Он выглядел побеждённым не нами, а собственной ленью. Ему не хотелось возиться с этим делом. Ему не хотелось объяснять своим начальникам, почему он копает в чужих бумагах и находит там дыры в своих же отчётах.

— Ладно, — Пименов убрал пепельницу с наших бумаг и сгрёб свои черновики в ящик. — Пусть будет ладно. Но штрафы...

— А за что штраф? — Машка придвинула к нему тетрадь и прижала её к краю кассовой книги. — Вот мои записи, вот взрослый учёт. Всё сошлось.

Пименов потянул к себе тонкую тетрадку в клетку. Перелистнул. Цифры были аккуратные, ровные, написанные мелким почерком. Помарки не нашлось. Исправлений тоже.

Он закрыл тетрадь и отложил в сторону.

— Всё. Свободны. — Он подтолкнул журнал к Зое и потянулся к следующей папке.

Но никто не двигался. Я остался на месте, Зоя Ермолаевна поправила сумку на коленях. Пименов поднял глаза.

— Что ещё? — Пименов отпустил край папки и оглядел нас над столом.

Машка взяла у матери сумку с образцами и поставила на стол коробочку духов с золотистой лентой. Рядом развернула кожаную сумочку, которую Зоя велела взять для показа. Мать придержала ремешок, чтобы тот не свалился на пол.

— Жене подарок выбираете? — Машка расправила ленту и развернула коробочку этикеткой к Пименову. — У нас как раз два образца с собой.

Пименов растерянно моргнул и отдернул руки, будто от горячей сковороды.

— Какой подарок? Я не беру взятки. — Он отодвинул коробочку ногтем и спрятал руки под стол.

Глава 2

— Это не взятка, — вмешался я, раскрывая квитанционную книжку. — Это коммерческая сделка. По прайсу. Кооператив реализует импортный парфюм и аксессуары. Цена рыночная. Квитанция прилагается. Деньги пойдут в кассу. Отчёт будет в балансе. Ваша жена получит вещь, а вы сохраните репутацию честного сотрудника, который не брал денег из воздуха.

Пименов посмотрел на коробочку и сумочку. Потом на меня. Потом на Машку. Он покопился на дверцу ящика.

— Сколько? — Пименов выдвинул денежный ящик и придержал его коленом.

— Французские духи «Chanel» — пятьдесят рублей. Сумка натуральная кожа — восемьдесят. Итого сто тридцать, — Машка раскрыла блокнот и провела пальцем по столбцу цен.

Он засмеялся. Смех получился нервным, коротким.

— Сто тридцать? Дорого. В магазине дешевле. — Он поднял сумочку за ремешок и проверил застёжку.

— В магазине нет гарантии оригинальности. И нет скидки для сотрудников инспекции. У нас политика лояльности ключевым клиентам, — Машка пожалала плечами и закрыла блокнот.

Пименов потянулся к ящику стола, вытащил оттуда купюры. Пересчитал. Ровно сто тридцать. Он протянул деньги Машке, но мать приняла купюры сама и пересчитала на краю стола. Зоя взяла у меня квитанционную книжку, заполнила бланк и заверила его нашей печатью из сумки. Покупателю оторвала квитанцию, корешок с копией оставила в книжке; сдача не требовалась. Пименов убрал духи в ящик, а сумочку поставил под стол.

— Спасибо, Геннадий Аркадьевич. Приятных покупок, — Машка закрыла пустую сумку с образцами и вернула её матери.

Машка развернулась и вышла. Я и Зоя Ермолаевна последовали за ней. Пименов остался за столом, рассматривая квитанцию. Мать задержалась у секретарши, чтобы снять копию решения инспектора, а мы спустились первыми.

В коридоре было душно. Мы вышли на лестницу. Дождь снаружи барабанил по стёклам. Машка шла первой, высоко подняв голову. Костюм сидел на ней идеально.

— Молодец, — сказал я ей, когда мы спустились на первый этаж. Я догнал её у перил. — Ты его съела.

— Он сам себя съел, — ответила Машка, поправляя манжет. — Боялся он собственной ошибки. Мы просто показали зеркало.

Зоя Ермолаевна улыбнулась уголками рта.

— Хороший урок. Теперь он будет помнить, что с «ГРАЧем» связываться себе дороже. — Зоя поправила бечёвку и убрала папку под локоть.

У выхода нас догнал Пименов. Он бежал, пугаясь в длинном пальто. Лицо его было красным.

— Пойдите! — Пименов придержал пальто за полу и спустился через две ступеньки.

Мы остановились. Я повернулся к нему, ожидая новых угроз. Но он подошёл ближе, тяжело дыша, и сказал вполголоса, оглядываясь по сторонам:

— С вашей бухгалтершей... наш начальник Гульнев отдыхал в одной санатории. Два года назад. Он о ней хорошо отзывался. Говорил, что она знает, как вести дела так, чтобы спички не зажигались. — Пименов отвёл меня от лестницы и понизил голос, прикрыв рот ладонью.

Зоя Ермолаевна ничего не ответила. Только кивнула, прижав сумку к бедру.

— И ещё, — добавил Пименов, понижая голос почти до шёпота. Он мял в руке край кармана. — Жена... пятница. У неё день рождения. Если понравятся, можно ещё такие же заказать?

Машка достала из кармана визитку кооператива и протянула двумя пальцами.

— Заходите в любой день, адрес на карточке. Взрослый продавец всё покажет. Но цены фиксированные. — Машка развернула визитку адресом к нему и вложила в протянутую ладонь.

Пименов взял визитку, сунул её в карман и ушёл обратно в здание. Хлопнула дверь.

На улице было сыро и холодно. Такси у стоянки не нашлось, и мы дождались мать, а потом пошли пешком к площади. Машка шла рядом со мной, её шаги были чёткими, уверенными.

— Дань, — сказала она вдруг, поравнявшись со мной и сунув руки в карманы пиджака.

— Да? — Я замедлил шаг и отступил от лужи, пропуская Машку рядом.

— Я хочу свою долю. Не потому, что я младшая. Как партнёр. — Она вытащила руки из карманов и поймала меня за рукав.

Я посмотрел на неё. На её профиль, на прямой нос, на глаза, которые уже видели будущее так, как видел его я.

— Будет доля, Машка. Когда научишься считать не только прибыль, но и риски. Сегодня ты сняла риск. Завтра снимешь чужой страх, — я поворошил её волосы, но она увернулась.

— А послезавтра? — она подняла глаза и придержала меня за рукав.

— Послезавтра мы построим систему, в которой такие, как Пименов, потеряют к нам подступы. И тем, кто выше него, тоже, — я посмотрел на окна инспекции и перевёл Машку через лужу.

Мы шли мимо ларьков. Люди толпились у окон, покупая хлеб и сигареты. Никто не знал, что два часа назад одна двенадцатилетняя девочка в синем костюме переиграла государственного чиновника. И что эта победа была лишь первым камнем в фундаменте, который должен был вырасти над нами всеми.

В кармане лежала утренняя банковская выписка. Крупный перевод пришёл с пустой графой назначения; Зоя уже отправила в банк запрос и запретила тратить эти деньги до выяснения. Я переложил выписку в папку. Сейчас зацепило другое. Фраза Пименова про санаторий. Гульнев. Начальник районной инспекции. Человек, который мог закрыть нам всю площадь одним росчерком пера.

Если Зоя Ермолаевна была знакома с ним раньше, если они пересекались в той самой системе, где правила игры пишутся кровью и чернилами, значит, у нас есть вход через его слабые места, а не через кабинет.

Я посмотрел на Зою Ермолаевну, которая шагала позади нас, аккуратно придерживая сумку с документами.

— Зоя Петровна, — сказал я, остановившись и повернувшись к ней.

— Зоя Ермолаевна, — поправила она автоматически, поправляя очки.

— Зоя Ермолаевна. Мне нужна полная картина. Не только по нашему району. По всему городу. Где отдыхают наши начальники. С кем они пьют чай. Какие у них долги. И какие у них страхи. — Я достал из папки чистый лист и прижал к нему банковскую выписку.

Она посмотрела на меня. В её глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Или на голод. Голод человека, который долго жил в тени чужих решений и теперь увидел возможность самому держать руль.

— Это займёт время, Данила Павлович, — она переложила сумку на другое плечо и подхватила снизу папку.

— У нас есть неделя. Может быть, меньше. Тишина вокруг Вадика обманчива. Он затаился. А такие, как он, обычно бьют бумагой, а не кулаком, — я сжал ремень папки и пошёл рядом с ней к площади.

Машка остановилась. Посмотрела на меня.

— Бумага страшнее кулака, Дань. Кулак может промахнуться. Бумага всегда попадает. — Машка потянула меня за манжет и кивнула на папку.

Машка поправила воротник синего пиджака и оглянулась на инспекцию. Жаль, Люська сейчас её не видела: шили на испуг, а возвращалась девочка с таким видом, будто сама назначила проверку.

— Пойдём домой, — я повернул Машку от проезжей части и подхватил папку поудобнее. — Нужно поесть. И нужно начать читать Гульнева.

Мать повела Машку домой, а мы с Зоей свернули к конторе. Налоговую отбили, теперь нужно было разобрать папку Гульнева. Город шумел вокруг нас, равнодушный и серый. Но внутри этой серости уже пульсировала новая жизнь. Жизнь системы, которая умела защищаться. И нападать.

Я придерживал табурет, пока Гиря тянулся кистью к потолку. Он уже дважды капнул себе на нос, а теперь опасно переступал ногами по сиденью.

Я видел его и после ночного пересчёта фантиков по приказу Мазая, и после Кузино пинка из бригады. Когда подарил ему «Полёт», Гиря тоже смущался и прятал руку за спину. Теперь часы лежали на подоконнике: краской их пачкать он всё-таки побоялся. Но сейчас, в три часа дня, в тесной однушке Светланы Фомичны, пахнувшей валокордином и старым ковролином, Гиря красил потолок вододисперсионкой. Кисть он окунал всё реже, зато на дверь поглядывал после каждого звонка в подъезде. Костин пригласил нас обоих: «Зайду на чай, поговорим». И Светлана Фомична сказала: «Если Игорь увидит грязный угол, он решит, что я плохо кормлю людей. А это позор».

—левой рукой ровнее, Андрей, — голос Светланы Фомичны звучал откуда-то снизу, из глубины комнаты, где она разбирала банки с алоэ. Она повернула банку к свету. — Ты же мастер смены. У тебя руки должны быть тверже, чем у хирурга.

— У меня руки тверже, — буркнул Гиря, отдёргивая голову от сорвавшейся с кисти капли. Он мазнул кистью и размазал белое пятно. — Просто этот чёртов угол... Он живой. Я его час назад тронул, а он всё равно кривой.

— Это не угол кривой, это ты боишься, — спокойно заметила Светлана Фомична. Она подошла к табурету, подняла голову. Глаза у неё были маленькие, быстрые, но взгляд тяжёлый, как гранитная плита. — Ты боишься не майора, а того, что он может тебе дать. Или отнять.

Гиря замолчал. Краска текла по щеке, смешиваясь с потом. Он вытер щёку плечом и посмотрел на дверь. На свадьбе Костин уже обещал ему разговор; с тех пор Гиря то спрашивал у меня, в чём подвох, то делал вид, что забыл. Костин тогда молча съел торт, выпил водку, посмотрел на Гирю долгим взглядом и сказал: «Надо бы поговорить. О твоём будущем. И о моём прошлом. На неделе. Чай?»

И вот мы ждали майора у его сестры. Я пришёл пораньше, надеясь спокойно расспросить Костина о серой папке, слухи о которой уже ползли по площади.

Гиря слез с табурета, вытер лицо тряпкой, которая была уже почти серой от краски.

— Я пойду переоденусь? — Гиря спустил кисть в банку и вытер ладони о тряпку.

— Переоденешься, — Светлана Фомична указала на дверь ванной и забрала у него испачканную тряпку. — И не вздумай надевать тот пиджак, который мнётся на локтях. Игорь любит порядок. Даже в мелочах. Особенно в мелочах.

Костин пришёл ровно в пять.

Он звонил в дверь дважды. Первый раз — коротко, вежливо. Второй раз — чуть дольше, нетерпеливо. Гиря открыл сам, одёргивая свежую рубашку. На ногах у него были домашние тапочки, которые Светлана Фомична шила из старых халатов.

Майор Игорь Фомич Костин стоял на пороге, держа в одной руке коробку с тортом «Прага», а в другой — пакет с яблоками. На ногах у него были уличные ботинки. Из пакета с яблоками торчали синие стёганные тапочки: он принёс сменную обувь из дома, чтобы уберечь

ковёр сестры. Это был жест абсолютного уважения к хозяевам или абсолютной брезгливости к улице. С Костиным никогда нельзя было сказать точно, что именно он имел в виду.

— Проходи, Игорь, — улыбнулся Гиря, стараясь выглядеть расслабленным. Он посторожнился, задев косяк локтем. Выглядел он паршиво.

Костин вошёл, аккуратно снял уличные ботинки и поставил их рядом с обувью хозяйки. Тапочки он достал из пакета и надел уже в прихожей. Потом огляделся. Взгляд скользнул по подоконнику, где в три ряда стояли горшки с алоэ — зелёные, толстые, мясистые листья торчали вверх, как щупальца инопланетян.

— Много, — констатировал Костин, тронув пальцем мясистый лист.

— Для долголетия, — ответила Светлана Фомична, появляясь из кухни в фартуке. Ей было шестьдесят два, но двигалась она легко, без одышки. Она вытерла руки о фартук. — Алоэ, детка, оно живёт тысячу лет. Если правильно поливать.

— А если неправильно? — спросил Костин, ставя торт на стол.

— Тогда оно превращается в сорняк. И засоряет воздух. — Светлана повернула горшок к брату и убрала его руку с листа.

Костин усмехнулся. Эта усмешка была его фирменной: уголок рта дёргался, глаза оставались холодными и внимательными.

— Торт забыл в такси. Пришлось просить водителя привезти. Думал, будет опоздание. — Костин снял с коробки шпагат и свернул его на пальцах.

— Мы ждали ровно, — сказала Светлана Фомична, придвигая стул. — Садись, Игорь. Я поставлю чай.

Мы сели за маленький кухонный столик. Я устроился с краю; Гиря напротив майора поджал локти и уставился в пустую кружку. Костин скрестил руки на груди и оглядел нас по очереди. Тапочки виднелись из-под стола — синие пятна на бежевом линолеуме.

Светлана Фомична вышла через минуту с четырьмя кружками и бутылкой чего-то желтоватого.

— Шамбали, — объявила она, ставя бутылку на стол. — Мой рецепт. На основе алоэ, мёда и немного коньяка. Для пищеварения. И для нервов.

— Для нервов мне нужно другое, — тихо сказал Костин, повертев кружку в пальцах.

— У всех нужно другое, — отрезала женщина и налила жидкость в кружки. Гиря принюхался. Пахло сладостью, травами и резким алкоголем. — Пей.

Гиря сделал глоток. Он кашлянул, прикрыл рот ладонью и потянулся за хлебом. Я понюхал свою кружку: после такого за руль садиться уже нельзя. Костин тоже попробовал. Его лицо ничего не выражало.

— Рассказывай, Андрей, — начал Костин, отставляя кружку. — Как у тебя дела? Бизнес идёт?

— Идёт, — кивнул Гиря, проведя ладонью по колену. — Даня говорит, скоро расширимся. Расширяем склад при депо. Тамара помогает с грузчиками. Мазай... Мазай теперь работает строго по договору. Никаких самоволок.

— Хорошо, что по договору, — Костин отставил кружку и постучал пальцами по столу. — Договоры имеют свойство заканчиваться. Когда человек не понимает своих обязательств, он начинает искать лазейки. Ты ведь знаешь, как устроена эта система? Юридическая, а не торговая.

Гиря сглотнул.

— Знаю. — Гиря переставил кружку подальше от края и расправил салфетку на коленях.

— Ты знаешь теорию. А практика? — Костин посмотрел ему прямо в глаза. В его взгляде остался один профессиональный интерес следователя, который проверяет показания свидетеля. Он подался вперёд и положил локти на стол. — Допустим, сегодня ты получил прибыль.

Завтра налоговая пришла с проверкой. Что ты им покажешь? Бумаги? Или пустые тетрадки и слова «я честный»?

— Бумаги, — уверенно сказал Гиря, выпрямив спину.

— Какие? Кто их ведёт? Есть ли печать? Есть ли подпись ответственного лица? — вопросы сыпались один за другим, быстро, как пули. Гиря начал потеть. Ответы у него кончились. Я уже успел представить ему Зою Ермолаевну, но бланки он по-прежнему отдавал ей пачкой. Сейчас майор хотел услышать фамилию ответственного и место, где лежит книга учёта, а Гиря поглядывал на меня, ожидая подсказки.

— Я... Я уточню у Дани, — пробормотал он, посмотрев на спину Светланы Фомичны.

— Уточняй, — согласился Костин, отодвигая кружку. — Но помни: слово «уточню» не защищает от статьи. У вас кооператив, а ты отвечаешь так, будто торгуешь с рук за углом. Где кассовая книга, чья подпись под накладной? За эти пробелы ухватятся. И Даня за тебя каждый раз отвечать не сможет.

Только ложка стукнула о край кастрюли. Светлана Фомична стояла у плиты, спиной к ним, мешая суп. Её спина была прямой, как струна.

— Игорь, — позвала она. Голос был тихий, но в нём была сталь. Она постучала ложкой о край кастрюли.

Костин не повернулся. Продолжал смотреть на Гирю.

— Что, Фомична? — Костин оторвался от Гири и повернул голову к плите.

— Суп стынет. Сядь нормально. Ты дома. Не в кабинете, — она обернулась с половником и подвинула к брату тарелку.

Глава 3

Костин замер. Его пальцы перестали барабанить по столу. Медленно, очень медленно, он опустил голову. Плечи, которые секунду назад были расправлены, как у атлета, слегка обвисли.

— Да, сестрица, — Костин расправил салфетку и убрал локти со стола. — Можешь половник опустить, сдаюсь.

Гиря моргнул и посмотрел на меня. Я прикусил щёку, удерживая улыбку: старшая сестра вернула майора в детство одним половником. Костин поймал мой взгляд, поморщился и придвинул тарелку. Кажется, допрос на кухне откладывался.

— Прости, — Костин перевёл дух и потянулся к тарелке. — Я увлёкся. Работа есть работа.

— Работа должна быть на работе, — Светлана Фомична опустила половник и поправила перед братом салфетку. — А здесь мы едим. И говорим о здоровье. О том, как долго будем жить.

Она подошла к подоконнику, взяла самый большой лист алоэ, надорвала его и выдавила гель в отдельную ложку, которую положила возле тарелки Гири.

— Ешь. Это полезно. Кожа станет гладкой, мысли — ясными. — Она пододвинула ложку к Гире и прикрыла салфеткой хлебницу.

Гиря с опаской взял ложку, лизнул её и скривился. Я спрятал лицо за кружкой: ещё минута назад он ждал статьи, а теперь умолял меня глазами спасти его от алоэ. Костин тоже сел удобнее, подтянув ноги под стул.

— Скажи, Игорь, — начала Светлана Фомична, садясь напротив. — Почему ты не женишься? Тебе тридцать восемь. Хорошая должность. Квартира своя. Денег хватает.

Костин поморщился.

— Время плохое, Фомична. Люди стали другими, — Костин покачал головой и отставил кружку. — Раньше жена — это хозяйка, мать детей. Сейчас... Сейчас люди ищут выгоду. Я вижу, как разводятся соседи. Как делят имущество по ночам. Мне это не нужно.

— А если найдешь такую, как я? — спросила она, наклонившись вперёд. — Которая знает, как варить борщ и как держать мужа в узде, не ломая ему позвоночник.

— Позвоночник? — переспросил Костин, подняв бровь.

— Чтобы не сутулился. От работы, — объяснила она, поправляя фартук.

Гиря хихикнул. Смех вышел нервным, но искренним. Костин посмотрел на него, и на его лице мелькнула тень улыбки.

— Ты смеёшься, Андрей? Над чем? — Он наклонился к Гире и придержал над тарелкой ложку.

— Над тем, что майор милиции слушает лекцию по ортопедии от пенсионерки, — Гиря отложил ложку и показал майору, как выпрямлять спину.

— Это не лекция, это забота, — строго сказала Светлана Фомична, постучав ложкой по краю тарелки. — А заботу ценят все. Даже следователи.

Костин задумался. Он вертел в руках кружку с шамбали.

— Знаешь, Света... В моей практике был случай. Один оперативник. Молодой, горячий. Все говорили: «Женится, остепенится». Он женился. Через год развёлся. А через два года... его нашли в реке. С камнем на шее. — Костин отодвинул кружку и потёр большим пальцем её ручку.

Гиря перестал жевать.

— Почему? — Гиря положил ложку поперёк тарелки и потянулся к майору через стол.

— Потому что жена оказалась не той, кого он искал, — ответил Костин и отвёл взгляд от Гири. — Он хотел тишины, а получил скандалы. Он хотел порядка, а получил хаос. Семья —

это не добавка к жизни, Андрей. Это фундамент. Если фундамент кривой, дом рухнет. Быстро и громко.

— Так ты поэтому один? — спросила Светлана Фомична, сложив руки на столе. — Боишься фундамента?

— Я осторожен, — ответил Костин, пожав плечами. — Осторожность — лучшая форма любви к себе.

Они ели молча несколько минут. Только звенели ложки и булькал суп. Внезапно Костин остановился. Посмотрел на Гирию.

— Андрей, у тебя есть друзья? Настоящие? — Костин поймал его взгляд и отставил пустую тарелку.

— Даня... Грачёв, — сказал Гирия, покрутив ложку в пальцах. — Он... странный. Но он держит слово.

— Слово держат все. Вопрос в том, за что они платят. Даня платит высокими ставками. Высокие ставки означают высокие риски. Если он упадёт, он потянет за собой тех, кто рядом. Ты готов тянуть вместе с ним? — Костин повернулся ко мне, затем снова наклонился к Гире.

Гирия свёл плечи и сжал салфетку под столом. Я уже поставил кружку, собираясь вмешаться, но он ответил сам.

— Я готов работать, — сказал он осторожно, сжимая салфетку. — Не тянуть. Работать.

— Правильный ответ, — Костин отодвинул от Гирии пустую тарелку и подставил блюдо под торт. — Тянут только дураки и трусы. Работают те, кто понимает механизм.

Светлана Фомична встала и забрала пустые тарелки.

— Довольно философии. Давайте десерт. — Светлана Фомична собрала ложки на тарелку и сдвинула перед братом хлебницу.

Торт «Прага» был разрезан на аккуратные треугольники. Костин ел медленно, смакуя каждый кусочек. Гирия наблюдал за ним. Этот человек, обычно такой собранный и недоступный, сейчас казался обычным мужчиной, уставшим после долгой недели.

— Игорь, — обратилась к нему Светлана Фомична, наливая чай. — Расскажи про свою проверку. Ты говорил, закончилась тихо.

Костин вздохнул и отодвинул чашку.

— Закончилась. В рапортах записали, кто пришёл, что сломали и кто отказался от заявления, — Костин собрал крошки вилкой и отложил её. — Хода делу пока не дали.

— А по факту? — спросил Гирия, подавшись вперёд.

Костин посмотрел на него. Долго. Прищурившись.

— По факту... Наверху завели папочку. — Костин придвинул блюдо к краю стола и понизил голос.

— Какую папочку? — удивился Гирия, поставив кружку на стол.

— Обычную. Серую картонную. С надписью «Аналитика по району Московского вокзала». В ней лежат копии моих рапортов. Мои заключения. Списки участников событий на площади. Твоё имя там тоже есть, Андрей. И имя Дани. — Он обвёл пальцем на клеёнке прямоугольник и остановил руку напротив меня.

Гирия замер. Чай в кружке дрогнул.

— Зачем? — Гирия приподнял блюдо, но вернул его на стол и отодвинул торт.

— Потому что тишина иногда громче крика, — сказал Костин, понизив голос. — Когда нет нарушений, но есть результат, это вызывает подозрение. Система не любит исключений. А вы стали исключением. Кузя ушёл. Мазай притих. Торговля идёт. Никто не жалуется. Идеальная картина. Слишком идеальная.

— Это опасно? — спросила Светлана Фомична, положив половник на подставку.

— Пока нет, — ответил Костин, посмотрев на дверь. — Папочка лежит в столе у человека, который выше меня. Он читает её раз в месяц. Может быть, чаще. Если цифры будут сходиться — папочку закроют. Если начнут расползаться... откроют дело.

Я представил эту серую папку в чужом кабинете. Копии рапортов, список точек, фамилия Гири рядом с моей. Наши вечера с кассой и разгрузками там уместались в несколько строк; читатель такой бумаги мог одним росчерком остановить всю сеть.

— Что делать? — спросил он, сжав руки под столом.

— Ничего, — ответил Костин и пожал плечами. — Просто продолжать быть идеальными. Честными. Прозрачными. Пока вы прозрачны, вас нельзя увидеть. Как стекло. Оно есть, но его нет.

Он допил чай, встал. Поправил куртку.

— Спасибо за ужин, Фомична. Шамбали — зверь. Действует лучше успокоительного. — Костин расправил куртку и подхватил пакет с яблочными остатками.

Светлана Фомична проводила его до двери. Мы с Гирей поднялись следом.

На лестничной площадке пахло краской — это Гиря красил потолок — и бензином: где-то внизу заводили машину. Костин снял синие тапочки, убрал их в пакет и обул ботинки. Я отступил от коврика, пропуская его к площадке.

— Андрей, — позвал Костин и повернулся к нему. Лицо его было серьёзным, но не злым. — Ты хороший парень. Не путайся в чужих играх. Играй в свою.

— Я играю, — Гиря переступил порог и поднял глаза на Костина.

— Вот и отлично. — Костин расправил рукав и шагнул к порогу.

Костин протянул руку. Гиря пожал её. Рукопожатие было крепким, сухим.

— Мы семья? — Костин задержал его руку и обернулся к сестре.

Гиря растерялся и моргнул.

— Что? — Гиря придержал дверь ногой и наклонился к нему.

— Я спрашиваю, считаем ли мы друг друга близкими людьми? Не по крови. По делу. По долгу. — Костин покосился на сестру и крепче сжал Гирину ладонь.

— Да, — сказал Гиря. Он шагнул к порогу и крепче сжал ладонь майора. Я смотрел на них сбоку: Костин предупредил нас лично, а в рапорте такого предупреждения, понятно, не появится.

— Тогда береги её, — Костин кивнул на квартиру за спиной Гири и отпустил его руку. — И себя. Папки открываются быстро. Закрываются долго. Иногда — никогда.

Он развернулся и пошёл вниз по лестнице. Шаги гулко отдавались в бетонной клетке подъезда. Пакет с синими тапочками покачивался у его колена на каждом пролёте.

Гиря остался стоять у двери. Светлана Фомична положила руку ему на плечо.

— Он прав, — она сжала Гирино плечо и оттянула его от перил. — Стекло видно только тогда, когда оно трескается.

Гиря кивнул. Он смотрел вниз, куда скрылся Костин. Я встал рядом с Гирей у перил. От шамбали гудело в ушах, а перед глазами всё ещё лежала серая картонная папка. Кассу и товар можно пересчитать. Сколько чужих копий уже разошлось по кабинетам, Костин нам не сказал.

— Пойдём, — сказала Светлана Фомична, тронув его за рукав. — Уберём со стола. Завтра снова работа.

Мы вошли в квартиру. Гиря закрыл дверь, отсекая лестницу, запах бензина и шаги майора.

Гиря подошёл к окну. Двор стоял пустой; лунный свет ложился на асфальт, делая его похожим на молочное стекло.

Он достал из лежавшей на подоконнике пачки сигарету и помял в пальцах. Я придержал его за запястье: Гиря прежде обходился без табака. Он выдохнул, положил сигарету обратно и распахнул форточку.

— Папочка на район, — Гиря опёрся лбом о раму и потёр ладонями лицо. — Даня, ты слышал?

Я кивнул. Теперь мы хотя бы знали, где нас пересчитывают. За такое предупреждение другой человек попросил бы деньги; Костин обошёлся семейным ужином.

Гиря вытащил из кармана блокнот. Маленький, в клеточку, который он покупал у Машки. Открыл на чистой странице. Написал крупными буквами «КОСТИН», ниже — «ПАПОЧКА».

Потом посмотрел на эти слова. Вырвал страницу. Скомкал. Бросил в урну под столом.

— Писать такое незачем, — я придвинул ему чистую тарелку для крошек и отодвинул урну ногой. — Сначала разберёмся, кто держит папку, а потом будем составлять списки.

Гиря поднял с пола упавший обрывок, бросил его следом и вымыл руки. Сигарета так и осталась в пачке на подоконнике.

За стеной, в соседней квартире, затренькала телефонная трубка. Кто-то звонил. Громко, настойчиво. Гиря прислушался. Слова тонули в стене.

Он вернулся к столу, где остались крошки от торта «Прага». Аккуратно смахнул их в ладошку. Вынес на балкон. Рассыпал по перилам. Птицы прилетят утром.

А пока он стоял и смотрел на город, который жил своей жизнью. Майор уже уехал, а я всё ловил себя на том, что прислушиваюсь к лестнице. Зоя Ермолаевна ждала меня в конторе с документами. Здесь можно было задержаться ещё на чашку, но предупреждение Костина хотелось проверить до утра.

Гиря вдохнул полной грудью. Воздух был холодным, но чистым.

— Мы семья, — Гиря повернулся ко мне и потянул вниз раму. — Он это всерьёз?

Я помог закрыть разбухшую створку. Костин называл нас семьёй, пока советовал держать бумаги в порядке. Что он скажет, когда папку откроют, ещё предстояло узнать.

Папка была тяжёлой не от бумаги — я взвешивал её в руке, как гирию на тренировке, — а от того, что лежало внутри. Три ночи Зоя Ермолаевна не смыкала глаз, пересчитывая чужие копейки и миллионы, выводя схему районной налоговой инспекции так, чтобы она легла передо мной плоским листом, без складок и надежды на авось. Я знал цифры. Я знал имена мёртвых кооперативов, которые служили Гульневу карманами для наличности. Но знание — это оружие только тогда, когда ты умеешь им пользоваться. Шантаж пахнет страхом, а мне нужна тишина. Мне нужна броня. И эту броню можно было получить, только если начальник инспекции сам захочет спрятаться за моими плечами от чего-то большего, чем мои бумажки.

— Ты уверен, Даня? — спросила Зоя, стоя у окна моего кабинета при площади. Она прижала ладонь к стеклу. Свет фонарей бил ей в лицо, старушечьи морщины казались глубже. — Он человек старой закалки. Обидчивый. Если он почует угрозу, он не сдастся. Он начнёт копать под тебя лично. Под Машку. Под твоих людей.

Я повернул ключ в замке двери, проверяя надёжность засова. Замок был новый, немецкий, я купил его вчера. В девяносто втором году доверять нужно железу, а не словам.

— Я не пойду с угрозой, Зоя Ермолаевна. Я пойду с предложением. — Я вынул ключ из замка и взял со стола папку.

— С каким ещё предложением? — она повернулась от окна и взяла со стола свои расчёты. — У него уже всё есть: власть, деньги, санатории.

— У него есть дыра в заднице, о которой он боится даже думать вслух. Я просто принесу ему лоскут кожи, чтобы зашить. Или... — я хмыкнул, вспомнив фразу Пименова про санаторий, и положил папку под мышку, — или покажу, кто держит этот лоскут за ниточки.

Наутро Гульнев Афанасьевич встретил меня в кабинете второго этажа райисполкома, где пахло пылью, дешёвым табаком «Прима» и влажной шерстью пальто. Секретарша, женщина с

лицом, из которого вынули все эмоции, кроме обязанности стучать в дверь, пропустила меня без записи. Она знала: у Грача нет времени ждать очереди. Очередь ждёт меня.

Кабинет был тесным. Портрет Ленина висел криво, один уголок отклеился. На столе — стопка папок, гранёный стакан с чаем, который остыл час назад, и пепельница, полная окурков. Сам Гульнев выглядел так, будто спал в машине. Мундир на нём сидел мешком, ремень затянут на последнюю дырку, но живот всё равно выпирал. Глаза были красными, веками обведены синевой бессонницы. Он то и дело поглядывал на телефон, а услышав шаги секретарши, поправил воротник и быстро вытер ладонь о брюки.

— Данила Павлович, — поздоровался он и кивнул на стул напротив стола, не вставая. Голос был хриплым, простуженным. — Слушал я про вас. Много слушал. Свадьба, ларьки, налоговая проверка вашей сестры. Пименов рассказывал. Хвалил. Говорит, ребёнок профессионал. Говорит, у вас порядок.

Он сделал паузу, затянулся сигаретой, которую тут же погасил в недопитой чашке чая. Чай потемнел от табачного дёгтя.

— Порядок в районе — это моя забота, Грач, — Гульнев отставил испорченный чай и наклонился ко мне через стол. — А вы тут... как сорняк между плиткой. Растёте быстро, корни длинные. И знаете слишком много. Мне задают вопросы. Про ваши обороты. Про то, откуда у вас товар, которого в городе нет. Про вашу бухгалтерию.

Вот оно. Начало игры. Он хотел показать зубы. Проверить, не дрогнет ли новичок. Я молчал и смотрел на него, ожидая, пока он закончит свою миниатюру. Гульнев нервничал. Его пальцы барабанили по столу, выбивая ритм, который не совпадал со словами.

— У меня к вам накопились вопросы, Данила Павлович, — повторил он, повышая голос, словно пытаясь разогнать собственную неуверенность. — Много вопросов. И ответы мне нужны не от вас лично, а от тех, кто стоит за вами. Вы понимаете, о чём я?

Глава 4

Секретарша рванулась в открытую дверь. Её лицо исказилось тревогой.

— Афанасьевич! Там из горсовета звонят. Второй раз. Они спрашивают про ваш отчёт по... — Секретарша поймала дверную ручку и остановилась перед столом.

— Зайди потом! — рыкнул Гульнев и дёрнул плечом в сторону двери. — Закрой дверь. Плотно.

Дверь щёлкнула, и кабинет накрыло тишиной; слышно было, как в коридоре шаркают подошвы. Гульнев посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло раздражение, смешанное со страхом перед телефонным звонком, который он только что проигнорировал. Страх его был направлен не на меня, а на того, кто звонил сверху.

Я положил папку на стол. Аккуратно, ровно. Бумаги не должны шуршать громко — это признак нервозности. Пусть они лягут тихо, как приговор.

— Вопросы? — переспросил я. Мой голос звучал спокойно, даже скучающе. Я говорил так, как говорят с соседом, который жалобно просит вернуть мячик с огорода. — У меня нет вопросов, Афанасьевич. У меня есть ответы.

Гульнев прищурился и отодвинул от края стола пепельницу. Освободил место для конверта? Я положил туда папку, раскрыл застёжку и развернул схему.

Строку с откатами прикрыл верхним листом, оставив перед ним названия контор. Я развернул лист так, чтобы он видел структуру. Схему потоков. Стрелочки, идущие от мёртвых кооперативов через пустые счета в один общий котёл. А из котла — вверх. Тонкая, почти незаметная линия, уходящая за пределы района. В город. В финансовый отдел. В новую структуру, которая в этом году официально ещё не существовала, но уже сосала кровь из местных карманов.

— Смотрите сюда, — сказал я, водя пальцем по схеме. — Вот эти три конторы. «Весна», «Заря», «Искра». Юридически они мертвы. Фактически — живые трубки. Через них идут наличные. Суммы небольшие, мелочь, которую никто не заметит в общем потоке. Но вот здесь, — я остановился на развилке, — деньги не остаются в районе. Они уходят выше. По прямой линии. Без подписей. Без печатей. Только проводки.

Гульнев замер. Его лицо побледнело. Та самая уверенность, которую он пытался натянуть на себя, как форму, слезла с него мгновенно. Он схватил лист именно за тот угол, где сходились стрелки. Смотрел туда, на верхнюю контору, а потом прикрыл название ладонью. Вот чего боялся, значит.

— Откуда у вас это? — прошептал он и прижал ладонь к краю схемы.

— Есть люди, которые умеют считать лучше, чем я, — ответил я, прижимая палец к схеме. — Зоя Ермолаевна. Вы её знаете. Вы давно работали в одной системе, а два года назад отдыхали в одной санатории. Она помнит, как вы любили порядок. Раньше.

Гульнев схватил лист. Поднёс к глазам. Читал не цифры. Читал названия структур наверху. Я видел, как расширяются его зрачки. Страх был не перед милицией; перед кем-то, кого нельзя вызвать в кабинет. Перед тем, кто может сделать так, чтобы его вообще не стало.

— Это ошибка, — сказал он резко, отбрасывая лист. Но руки его продолжали трястись. — Это чья-то грязная игра. Я ничего не знаю про верхний уровень. Я отвечаю за район. За свои показатели.

— Вы отвечаете за своих мёртвых кооперативов, Афанасьевич, — я наклонился к схеме и отвёл его пальцы от названий. — И за то, что через них проходят чужие деньги. Чужие, потому что вы сами говорите: «ничего не знаю». Но бумага говорит другое. Бумага всегда честнее людей.

Я закрыл папку. Звук щелчка замка был громким в тишине кабинета.

— Мне не нужны ваши головы, Афанасьевич. Мне не нужен ваш пост. Мне нужна полная тишина вокруг моей сети. Когда к нам приходит инспектор, он должен видеть идеальный порядок. Когда приходит проверка из области, она должна находить пустоту там, где мы работаем. Вы можете дать это? — Я передвинул к нему папку и оставил ладонь на замке.

Гульнев долго молчал. Он смотрел на портрет Ленина с отклеенным уголком. Потом перевёл взгляд на меня. В его глазах исчезла злоба. Осталась лишь глубокая, непроходимая усталость человека, который понял, что находится в ловушке, и единственный выход — договориться с тем, кто держит клетку.

— Санаторную линию, — сказал он вдруг, потёр лицо ладонью. — Ту, про которую Пименов трепался. Не трогайте её. Это личное. Это для здоровья. Для отдыха. Никто не проверяет путёвки. Это вне системы.

Теперь он торговался за санаторные путёвки. Он отдавал мне контроль над ревизиями в обмен на сохранение своего личного источника дохода, который был невидим для больших схем. Ему нужна была маленькая щель, куда он мог прятать свой хлеб, пока я контролировал большую часть поля.

Я кивнул и придвинул закрытую папку к себе: его путёвки в мои накладные всё равно не входили.

— Санатории меня не интересуют. Меня интересует мой бизнес. Мои люди. Моя бумага. Если вы закроете глаза на мои отчёты, я закрою рот на ваши путёвки. Договорились? — Я убрал папку со стола и положил её себе на колени.

Гульнев встал. Подошёл к окну. Посмотрел вниз, на площадь, где кипела жизнь, которую он считал хаосом.

— Плановые проверки. Раз в квартал. Предупреждение за неделю. Внеплановых не будет. Никогда. Пока вы соблюдаете правила игры. — Гульнев повернулся от окна и подвинул ко мне стул, который задел животом.

— Правила игры просты, — я поднялся со стула и протянул ему руку. — Честная прибыль, легальные накладные и уважение к тем, кто следит за порядком.

Я держал ладонь между нами. Гульнев посмотрел на неё, как на мину. Потом тяжело вздохнул и пожал мою руку. Рукопожатие было вялым, но искренним в своей капитуляции.

В дверь постучали. Я открыл её: на площадке ждала Зоя Ермолаевна. Она вошла, прикрыла дверь и остановилась чуть позади меня. Гульнев увидел её и замер. В его лице произошла метаморфоза: из начальника инспекции он превратился в обычного коллегу, которого стыдно поймали за игрой в карты в рабочее время.

— Зоя Петровна?.. — начал он, но осёкся.

— Зоя Ермолаевна, — поправил я и посторонился, пропуская её к столу. — Теперь при кооперативе «ГРАЧ». Право подписи.

Гульнев медленно подошёл к ней. Протянул руку. Зоя пожала её. Коротко, сухо, без улыбки и поклона. Просто два профессионала, которым теперь предстояло вспомнить санаторное знакомство совсем по другому поводу.

— Добрый день, Афанасьевич, — сказала она и отпустила его ладонь. — Мы закрываем вопрос ревизий.

Гульнев кивнул. Он не смог произнести ни слова. Он просто отвернулся к своему столу, взял ручку и стал механически перебирать бумаги, пряча лицо.

Мы вышли в коридор. Тишина за спиной гуляла эхом. Внизу, в холле первого этажа, толпились люди с документами. Среди них я увидел знакомую фигуру. Отец. Павел Семёнович. Он стоял у окошка приёмной, держал в руках бланк постановления на учёт будущего автомобиля. Лицо его было сосредоточенным, но довольным.

Увидев нас, он улыбнулся. Широко, открыто.

— Даня! Зоя! — крикнул он сквозь шум толпы и помахал бланком. — Я тут... девятку выбираю цвет. Вишнёвый или серый? Серый практичнее, но вишнёвый красивее...

Я рассмеялся и впервые за утро выдохнул до конца. Мы прошли мимо отца, хлопнув его по плечу, и вышли на улицу. Солнце било в глаза, воздух пах бензином, свежим асфальтом и свободой.

Вечером, в офисе, я достал из сейфа личную папку. Тонкую, чёрную, с металлическим замком. В неё я положил копию той схемы. Верхний хвост. Городской финансовый отдел. Структура, которой не должно быть в девяносто втором.

На конверте я написал маркером крупными буквами: «ГОРОД. НЕ МОЙ».

Зоя сидела напротив, пересчитывая дневную выручку филиала Машки. Цифры шли ровно, без ошибок. Система работала. Мы получили свободу от районных клещей. Но цена этой свободы была высока: теперь я знал, что над нами есть небо, и в том небе уже кто-то летает. Кто-то, чьи тени длиннее, чем наши проблемы.

— Даня, — позвала Зоя и подвинула ко мне кассовую книгу. — Тут недостача. Три рубля. В кассе школьной точки.

Я оторвался от папки.

— Три рубля? — Я убрал схему в конверт и наклонился над её расчётом.

— Да. Машка говорит, что проверила дважды. Но в чеке минус три. Может, мелочь потеряла? Или покупатель обсчитался? — она сняла очки и положила их на стол.

Я встал. Папка осталась на столе. Три рубля. Смешно. Нелепо. Но именно на таких мелочах ломается вся конструкция доверия. Если сегодня мы закроем глаза на три рубля, завтра придут за миллионами.

— Не теряем, — сказал я и отодвинул личную папку, освобождая место под кассовую книгу. — Берём машину Щербакова. Едем на школьную точку. Пересчитываем всё заново. При свидетелях. До копеечки.

Зоя подняла голову. В её глазах мелькнуло удивление, а затем — уважение.

— Ритуал? — Зоя задержала мой рукав и придвинула к себе кассовую книгу.

— Чистота цифры, Зоя Ермолаевна. Если число нечистое, оно не защитит. Даже от трёх рублей, — я взял ключи со стола и одёрнул куртку.

Выйдя из офиса, я вдохнул холодный вечерний воздух. Где-то там, в гаражах, отец спорил о цвете машины. Где-то там, у школьной точки, Машка ждала нас с тетрадями. А здесь, на столе, лежала бумага, которая могла сжечь нас всех дотла, если мы ошибёмся хотя бы в одном шаге.

У школьной точки уже горел свет. Машка распахнула тетрадь на капоте, и я поставил рядом кассовый ящик: с районной инспекцией договорились, а три рубля всё равно следовало найти.

Суббота пахла сухой пылью, нагретым на осеннем солнце асфальтом и свежим хлебом из ларька у вокзала. Я сидел в отцовской «копейке» на переднем пассажирском месте, и смотрел, как Тамара Лукинична перекладывает пачки сгущёнки. Она не звала меня и не искала глазами по сторонам. Просто делала свою работу: брала коробку, проверяла срок годности, ставила на витрину этикеткой к покупателю.

— Даня? — спросил Гиря, наклонившийся к открытому пассажирскому окну и опершийся ладонями на дверцу.

— Тише, — сказал я и поднял ладонь, не отводя глаз от Тамары. — Смотри.

Тамара заметила, что одна пачка была мятая сбоку. Обычно она бы позвала старшего смены, чтобы тот заменил товар или вернул поставщику. Сегодня она просто отложила её в отдельную стопку под прилавком, достала чистую тряпку, протёрла полку и поставила целую

пачку. Она обошлась без слов и без взгляда в мою сторону. Система дышала сама. Ей не нужен был мой голос, чтобы знать, где верх, а где низ.

Отец вернулся от кассы с квитанцией и завёл двигатель. Я убрал локоть с дверцы; пальцы немного дрожали от ожидания. В прошлой жизни я тратил дни на то, чтобы выжить, на то, чтобы накормить семью. Теперь я тратил минуты на то, чтобы убедиться, что семья сыта и защищена. И от этого становилось тошно и радостно одновременно.

Мы поехали к автовозу. Тот стоял на окраине, среди ржавых гаражей и куч строительного мусора. Пыль висела столбами. Отцовская «копейка» дребезжала так, будто вот-вот развалится на гайки. Павел Семёнович молчал всю дорогу, сжимая руль побелевшими костяшками. Он знал, куда мы едем. Знал, сколько денег лежит в конверте во внутреннем кармане его пиджака. Но всё равно боялся. Боялся, что это сон. Что проснётся, а будет снова мастер сварочного участка, которому нечем заплатить за путёвку в санаторий.

Продавец автовоза, мужик в засаленном жилете и с лицом, покрытым веснушками, встретил нас у синего кузова. Он ковырял ногтем по фанере прилавка. За ним выстроились машины: белые «Жигули», серые «Нивы» и несколько вишнёвых «девяток».

— Чего хотели? — буркнул он, даже не посмотрев на отца. Его глаза скользнули по мне, оценивая куртку, часы, уверенный шаг. Он видел клиента. Отец для него был фоном, сопровождающим лицом.

— Нам девятку, — сказал я и остановился возле отца.

Мужик сплюнул.

— Вишня кончилась. Есть серый металлик. Хорошая машина, практичная. Грязи не видно. — Продавец прикрыл телом проход к вишнёвой машине и показал ладонью на серую.

Я промолчал. Посмотрел на отца.

Павел Семёнович вдруг выпрямился. Он вышел из тени кузова, подошёл вплотную к продавцу. Раньше он бы извинился, начал объяснять, что бюджет ограничен, что сын говорит... Нет. Он посмотрел мужику прямо в глаза. Тихо, спокойно, без крика.

— У вас есть вишнёвая, — сказал отец и показал за спину продавца. Не вопрос. Утверждение. — Я вижу её задний фонарь из-за вашей спины. Вы прячете её, потому что хотите продать серую этому мальчику. Мне не нужны грязные игры. Если вишни нет — мы уйдём к другому дилеру. Там тоже есть наличные.

Продавец моргнул. Он привык, что покупатели либо хамоваты и грубы, либо робки и готовы согласиться на любой цвет ради скидки. Здесь была третья категория. Спокойная сила человека, который знает цену своей семье.

— Ладно, — мужик махнул рукой и отступил от машины, скрывая досаду. — Проходите. Только ключи сразу проверьте. Бензин сливать будете сами.

Отец обошёл машину. Провёл пальцем по лакокрасочному покрытию крыла. Открыл дверь. Сел за руль. Повернул ключ. Двигатель взревел ровно, мощно. Он повернулся ко мне. Лицо было строгим, но в уголках губ играла улыбка. Та самая улыбка мастера, который только что идеально сварил шов.

— Цвет нравится, — отец повернул ключ обратно и прижал ладонь к прогретому рулю.

Я коснулся конверта в его нагрудном кармане и кивнул на кассу.

— Оформляем на тебя. Техпаспорт твой. Машина твоя. — Я подвинул отцу бланк и положил ручку возле строки владельца.

Он вынул конверт, пересчитал купюры на столе продавца и придвинул их к бланку договора.

— Спасибо, Даня. — Отец коснулся моего плеча и забрал ручку.

Эти два слова весили больше, чем весь миллион рублей, которые мы потратили сегодня. Он впервые не спорил со мной о том, что такое хорошо, а что плохо. Он принял моё реше-

ние как равный партнёр. Как человек, который наконец-то смог себе позволить роскошь быть счастливым.

Вечером мы были в гараже. Тот самый гараж, где в другой реальности через три года вспыхнет ад, заберёт моего отца, оставит мать калеккой, а меня превратит в пустое место. Сейчас здесь пахло краской, металлом и новой жизнью.

Глава 5

Гиря и Бугай уже закончили монтаж сигнализации. Красные лампочки мигали на стенах, отражаясь в хромированных поверхностях стеллажей. Мы убрали всё горючее. Канистры с бензином исчезли навсегда. Вместо них появились металлические шкафы для инструментов и складские полки для сухого товара. На стене висела табличка, которую сделал сам отец: «Горючее не хранить. Курение запрещено. Ответственный за пожарную безопасность — Грачёв П.С.».

Машка стояла возле верстака, придерживая большие деревянные счёты. Её лицо было сосредоточенным, почти взрослым.

— Даня, а если проволока лопнет? — Машка подвинула счёты на верстак и потрогала крепление костяшек.

— Заменим, — я перевернул раму и показал ей загнутые концы проволоки. — Отец починит. Но сначала сама проверь, правильно ли сложила. На счёты ошибку не свалишь, они только твои пальцы слушаются.

Она перебрала костяшки. Щёлк-щёлк-щёлк. Ритмичный звук заполнял гараж. В этой звуковой волне я чувствовал, как уходит тревога. Будущее, которое давило на плечи, стало менее острым. Я не мог изменить все события мира, но я мог изменить эту комнату. Этот запах. Эту безопасность. Я вырвал из когтей смерти одну деталь механизма судьбы. И это было сладкое чувство победы, тихое, домашнее, без аплодисментов.

Люська стояла у входа, поправляя розовый платок на голове. Она была бледновата, держалась за живот чуть сильнее обычного. Бугай стоял рядом, как скала, положив руку ей на плечо. Они оба знали, что внутри растёт новая жизнь. Я тоже знал. Я видел дату родов в своём прошлом, но вслух не произносил ни слова. Тайна должна оставаться тайной до момента, когда её можно разделить со всеми. Люська поймала мой взгляд. В её глазах мелькнуло что-то странное — благодарность, смешанная со страхом. Она понимала, что я знаю больше, чем говорю. Но она приняла это молчание как часть нашей договорённости. Часть нашей новой реальности.

К вечеру мы собрались в офисе при площади. Комната была маленькой, но светлой. Стол завален бумагами, пачками купюр, накладными. Зоя Ермолаевна сидела во главе стола, очки на цепочке покачивались, когда она считала. Рядом Гиря и Щербаков сортировали чеки.

Тишина была напряжённой. Каждый звук перелистываемой страницы, каждый щелчок калькулятора резал воздух. Мы ждали итога дня. Субботняя выручка сети «ГРАЧ» обычно бывала выше будней, но сегодня мы сделали ставку на объём, не на маржу. Дополнительные школьные наборы после сентябрьского наплыва, запасы для комбината, распродажа складского оборудования... Всё сходилось в один большой поток.

Зоя остановила расчёт, подняла голову и принялась протирать очки. Мы уже ждали сумму; она ещё раз взглянула на книгу и заставила Гирю подвинуть чек к лампе.

— Недостача, — Зоя поправила очки и подняла страницу за угол.

Я придержал лист за край. Гиря подался к Зое, но я успел спросить первым.

— Где? — спросил я тихо, подавшись вперёд.

— На школьной точке. Те три рубля, что мы пересчитывали при Машке. — Зоя перелистнула кассовую книгу и прижала страницу концом линейки.

Щелчок. Зоя положила ручку на стол.

— При пересчёте нашли сдачу под кассовым ящиком. Три монеты закатились за направляющую. Внесли их в кассу, составили акт при продавце. Теперь всё сходится. — Она вытащила из книги акт и положила рядом с ведомостью.

Я отпустил край листа. За этими тремя рублями мы ездили на точку, вытаскивали ящик, ставили подписи под актом. Сумма смешная, зато теперь продавец знал: пропажу придётся искать, даже если хозяин только что купил отцу машину за миллион.

Зоя взяла лист с итоговой суммой. Пробежала пальцем по цифрам.

— Оборот за сутки: два миллиона сто тысяч. Расходы: закупка, зарплаты и налоги. Отдельно амортизация с ремонтом техники. Семейные покупки из прибыли, сюда их второй раз не списываю... — Она подвинула ведомость к середине и провела линейкой под расходами.

Она называла цифры, монотонно, как молитву. Потом пауза.

— Чистыми. Один миллион двести тысяч рублей. — Зоя отложила линейку и повернула итоговый лист ко мне.

Гиря присвистнул. Щербаков усмехнулся, пряча удивление за маской спокойствия. Я посмотрел на Зою. Она кивнула мне. Коротко, утвердительно.

Миллион двести. В 1992 году это были деньги, на которые можно купить квартиру, машину, начать новое дело. Или просто жить, не оглядываясь на каждую копейку. Сеть работала без меня. Она генерировала этот капитал, пока я выбирал цвет машины для отца и устанавливал сигнализацию в гараже.

Усталость легла на плечи. Но внутри неё горело другое: голод по движению, по риску, по залу, где нужно было доказывать своё право на существование кулаками и умом. Здесь, в этом офисе, пахло безопасностью. И эта безопасность душила.

Воскресенье мы провели за городом. Река текла медленно, вода блестела на солнце, как расплавленное серебро. Отец сидел на раскладном стуле, попивая чай из термоса. Мать раскладывала мясо на шампуры и смеялась над тем, как Бугай пытается развести огонь. Машка гоняла камушки по воде, считая отскоки. Гиря и Светлана Фомична сидели в стороне, тихо о чём-то беседуя, держась за руки. Люська дремала под деревом, укутавшись пледом поверх платка.

Я лежал на спине, подложив куртку под голову. Над рекой тянулись облака; Бугай наконец раздул угли, и мать позвала его за шампурами. Можно было лежать до темноты: кассу пересчитают, склад закроют, отец доедет домой на новой машине. Я перевернулся на бок и поймал себя на том, что прислушиваюсь к дороге. Неужели мне уже мало этого воскресенья?

Когда мы возвращались домой, наступил поздний вечер. В квартире было темно, только лампочка в коридоре горела слабым светом. Я зашёл в кабинет, включил настольную лампу. На стене висел календарь. Обычный, советский, с видом на Ленинградскую набережную.

Я подошёл к нему. Перелистнул оторванные страницы, лежавшие под календарём. На июльской краснело «24 июля»: первая брестская партия видеодвоек. Основной груз уже разошёлся, на складе оставались последние коробки. А на октябрьском листе я обвёл новый срок выпуска, присланный брокером. Следующая партия ещё висела в Бресте; вот она и могла открыть двери в Москву.

В прошлой жизни я пропустил этот момент. Потерял партию. Остался в провинции. Стал мелким торговцем, который боялся каждого выстрела.

Сейчас я стоял перед календарём. Миллион двести суточных. Юридическая броня района. Легализованный бизнес. Безопасная семья. У меня было всё, чтобы сделать этот шаг заранее, а не в ответ на удар; атакуя, а не спасаясь.

На столе лежала телеграмма. Римма Павловна писала коротко, своим фирменным стилем: «Московские скупают мои долги выше номинала. Просят товарные договоры. Жду решения. Р.»

Я прочитал её дважды. Долги выше номинала покупают ради чужого товара, а не ради процентов. Кто-то из Москвы уже искал контакты. Кто-то знал о долгах универмага. Кто-то хотел перехватить канал.

Я снял телефонную трубку. Набрал номер Зои Ермолаевны. Она отвечала долго, слышно было, как скрипит кровать.

— Слушаю, — донёлся сонный голос. Я прижал трубку плечом и передвинул телефон поближе к календарю.

— Зоя Ермолаевна, вечер добрый, — сказал я и развернул перед собой телеграмму. Было десять вечера, и за этот звонок утром придётся извиниться. — Приготовьте доверенность. На моё имя. Полные полномочия по ведению финансовых операций с московскими контрагентами. И вызовите Щербакова. Пусть в понедельник уточнит у Костина, где можно укрыть груз. Во вторник надо быть в Москве.

— Куда едем? — переспросила она; в трубке скрипнула кровать. Я снял календарь с гвоздя и положил перед собой.

— В Москву, — ответил я, посмотрев на календарь. — Начинаем большой ход.

Я повесил трубку. Посмотрел на календарь. Дата горела красным: призыв, а не угроза.

Я выключил свет. Темнота комнаты стала стартовой площадкой, а не тюрьмой. Система работала. Семья в безопасности. Район приручен. Семейные счета оплачены. Московские долги пока лежали отдельной папкой.

Я всё ещё хотел крови — деловой, той, от которой чужой посредник мнёт папку и соглашается на твою цену. Хотел снова выйти в зал, где мне пока никто не обязан уступать.

Я натянул одеяло на диване и устроил папку для доверенности возле ботинок. Завтра придётся договариваться с Костиным, вывозить товар, собирать деньги на дорогу. До Москвы я ещё не доехал, а уже снова хотел проснуться пораньше.

И я улыбнулся во тьме.

В понедельник я пришёл в контору раньше продавцов. После воскресной поездки за город особенно хотелось отложить бумаги и посидеть с чаем, но на столе уже лежали новые накладные. За недавно купленный дубовый стол я сел прямо в куртке и разложил бумаги по срокам оплаты. Субботняя чистая прибыль составила один миллион двести тысяч рублей. В кассе оставалась лишь её часть: следующая закупка уже забирала наличность. Вычеркнув из неё уже оплаченный товар, я подвинул остаток к краю листа. Разгуляться на эти деньги уже не выходило.

Зоя Ермолаевна вошла без стука. Её ладонь легла на дверную ручку, повернула её и отпустила только тогда, когда дверь уже открылась. Я отодвинул чашку и освободил ей край стола: с пустыми руками она в такую рань не приходила. В руках у неё были два конверта. Серую бумагу измяли на сгибах, оба конверта уже были вскрыты.

— Даня, — сказала она голосом, который обычно использовала для объявления о повышении цен на соль, и положила конверты на край стола, ровно по линии карандаша. — Копии двух писем. Тамара Лукинична и Римма Павловна прислали с посылным. Товар арестован. Сделки по ним зависли.

Я взял конверты. Пальцы привычно скользнули по бумаге, чувствуя влажность воздуха в кабинете. Арбитраж. Слово, которое в девяносто втором году звучало страшнее, чем слово «бандит». Бандита можно купить или избить. Арбитраж нельзя подкупить деньгами, если у него есть приказ сверху.

— Читай вслух, Зоя Ермолаевна, — попросил я, поддвигая ей вынутый лист. Я развернул его строками к ней и прижал расползающийся сгиб. Прежняя жизнь подсказывала, куда ведут такие письма, но нынешние суммы и фамилии следовало прочесть до конца.

Зоя сняла очки, протёрла их платком и начала читать сухим, канцелярским шепотом, водя ногтем по строке: «В связи с поступлением исковых требований от юридического лица ООО „Восток-Запад“... о взыскании задолженности по договорам поставки... наложить арест на товарные остатки в магазинах...»

— Кто такой этот „Восток-Запад“? — спросил я и развернул конверт адресом к лампе. За стеклом двор был пуст, только дежурный сторож курил у ворот, пряча огонёк сигареты в кулак.

Зоя опустила письмо и вытащила из конверта ещё два листа. — Римма приложила копии учредительных документов кредитора. Ей их дали при заключении поставки. Адрес московский, подпись представителя местная — Дёмин. Я сверила с бумагой со свадьбы. Та же контора. — Она развернула ко мне копию и указала на подпись.

Дёмин добрался до долгов наших магазинов. После свадьбы я ждал от него чего-то подобного, но всё же упустил момент, когда следовало предупредить Тамару. Теперь он держал её за просрочку, а через неё подбирался к моему товару.

Телефон зазвонил сам собой. Проводной аппарат трещал так, будто ему тоже было больно. Я поднял трубку, прижал её к уху и тут же услышал, как на том конце сминают бумагу.

— Даня? — выдохнула Тамара и заговорила быстрее, перебивая меня на первом слове. — Даня, они пришли. Люди в костюмах. Они опечатали склад. Галантерея вся стоит. Школьные наборы... дополнительная октябрьская поставка для Эльвиры Николаевны... они сказали, что не дадут вынести ни одной коробки. Что делать? Я готова отдать им всё, лишь бы не судиться. У них там юристы такие, они меня в порошок сотрут!

Я закрыл глаза и переждал её частое дыхание. Вчера Тамара спорила со мной из-за полки под галантерею, сегодня готова была отдать весь магазин. Если сейчас позволю ей распродать остатки, через неделю лишусь одной из лучших точек. Надо удержать её у телефона и заставить услышать хоть одну фразу до конца...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.